

ПАВЕЛ БЕРЕНСЕВИЧ

Перевод с польского Светланы Арбузовой

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)44
Б48

Оглавление

Беренсевич, Павел.
Шепот бота / Павел Беренсевич; пер. с польского
С. Арбузовой — М. : Albus Corvus, 2023. — 272 с.

ISBN 978-5-00114-313-0

The original title: Szeptane
© Copyright by Paweł Beręsewicz, 2018
Cover design by Monika Pollak
Published by arrangement with Wydawnictwo Nasza Księgarnia Sp. z o.o.
© Светлана Арбузова, перевод на русский язык, 2021
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2023

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	25
Глава третья.....	33
Глава четвертая.....	48
Глава пятая.....	63
Глава шестая.....	74
Глава седьмая.....	87
Глава восьмая.....	100
Глава девятая.....	110
Глава десятая.....	129
Глава одиннадцатая.....	143
Глава двенадцатая.....	165
Глава тринадцатая.....	190
Глава четырнадцатая.....	196
Глава пятнадцатая.....	210
Глава шестнадцатая.....	225
Глава семнадцатая.....	236
Глава восемнадцатая.....	248
Глава девятнадцатая.....	255
Глава двадцатая.....	263

Глава первая

— А может, пиццы? — сказал я, включая все свое обаяние и вытаскивая из стопки цветной флаер.

Женщина бросила на меня сердитый взгляд и взмахом руки прогнала с дороги.

— Мерзкая тетка! — буркнул я себе под нос и злобно посмотрел ей вслед.

— Какая пицца, дурень? — рассмеялся Бартек.

Я посмотрел на листовку. Действительно, не пицца. Пиццу мы раздавали вчера. Самую вкусную, самую дешевую и самую итальянскую. Сегодня был «Слимо...»? Чего? Я поднес листовку ближе к глазам.

— Что такое «Сли-мо-микс»?

— А я знаю? — Бартек пожал плечами. — Шеф сказал, что это корм для слизней, но, думаю, пошутил.

Серое февральское утро медленно разгоралось, но на по-настоящему ясный день можно было не рассчитывать. Сонная толпа выливалась из метро и растекалась по дну небольшой площади, которую жители Варшавы называют «Сковородкой». Там поток людей делился на ручейки, которые постепенно впитывались в город. Влажная холодная серость залезала за ворот куртки, под футболку, чтобы согреть замерзшие лапы на моей чуть теплой спине. Капюшон на голове? Исключено! Честный и открытый взгляд — основа нашей профессии. Какое доверие чуваку в капюшоне, предлагающему «Слимомикс»?

Я тяжело вздохнул. Стопка в моей руке по толщине могла тягаться с четвертым томом «Гарри Поттера», а в рюкзаке лежали еще две такие.

— Рекомендую «Слимомикс», — щебетал в паре шагов от меня Бартек и с профессиональной улыбкой махал перед носом прохожих цветным листочком.

Чуть дальше, у входа в метро, раздавал листовки Яцек, а Ушастый работал около лестницы в направлении Иерусалимских Аллей. Чтобы расширить охват нашей сети, я передвинулся в сторону Маршалковской улицы и встал в нескольких метрах от барабанщика, который с самого утра молотил по пустым банкам, ведрам и ножкам стульев в надежде, что энергичная долбежка хоть ненадолго вытащит прохожих из утреннего транса и вынудит сбавить шаг.

— «Слимомиксик» специально для вас. — Я подал листовку женщине в развевающемся пальто и со стаканчиком в руке.

Маневр на высоких каблуках дался ей легко, и она обошла меня, как Месси — застывшего на месте защитника. Таких Месси вообще было больше всего — некоторые даже успевали во время обводки помотать головой и сказать «спасибо». Большую группу составляли также те, кто брал флаер и, не читая, запихивал в карман, где грудились предыдущие, не выкинутые со времен последней стирки. Нередко, конечно, листовки превращались в комки бумаги и еще на моих глазах заканчивали свой путь в урне или на серой плитке.

К счастью, хотя и редко, случалось, что какой-нибудь прохожий бросал взгляд на текст, и хорошее предложение неожиданно сталкивалось со спящим внутри него

желанием, отчего в глазах сразу загорались искры. Это были те минуты, когда я вынужден был признать, что в жизни помимо сорока злотых за тысячу штук важно также удовлетворение от работы.

— Ты правда думаешь, что мне это нужно? — Спросила девушка, которую я настиг, когда она неосмотрительно задержалась около безумного барабанщика.

На плече у нее была полотняная сумка с белым котом на черном заборе, а из-под шерстяной шапки а-ля извержение вулкана ниспадали на плечи слегка волнистые пряди волос. Они были очень странного цвета, который я, отчетливо ощущая несовершенство языка, признал одним из миллионов возможных оттенков рыжего. На вид она была ученицей лицея¹. Девушка повертела в пальцах листовку, недоверчиво посмотрела на пустую обратную сторону, смешно сморщила нос.

— Несомненно, — сказал я уверенно. — Это лучший продукт на рынке.

— А как он работает?

— Великолепно.

— Ты пробовал?

— Ну конечно!

— И что?

— Высший класс!

Она критически осмотрела меня и саркастически надула губы.

— Ну да, вижу, — прыснула она и направилась в сторону подземного перехода.

¹ Лицей в Польше — учебное заведение, примерно соответствующее последним классам средней и старшей школы в России. Обучение в лицее продолжается четыре года и заканчивается сдачей государственного экзамена, аналога российского ЕГЭ. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Сделав несколько шагов и даже не глядя в мою сторону, она взяла листовку со «Слимомиксом» двумя пальцами и отточенным движением киношной леди-вампи бросила ее за спину. Мне пришла в голову идиотская мысль, что эта бумажка ни за что на свете не должна оказаться на земле, я рефлекторно метнулся вперед и в последний момент у самой плитки подхватил летящую вниз листовку. «Эликсир стройности! — кричали красные буквы. — Лишние килограммы? „Слимомикс“ разберется с ними!»

«Ах вот в чем дело!» — дошло, наконец, до меня. Я посмотрел вслед удаляющейся девушке. У нее определенно не было килограммов, от которых стоило бы избавляться. Я почувствовал странное тепло на лице, а потом накатила волна обиды.

— В смысле «да, вижу»? — пробормотал я и положил руку на живот.

Не то чтобы он был плоский, но все не так плохо.

***

Флаеры мы раздавали по вторникам и четвергам. В эти дни нам надо было к третьему уроку, и утром мы могли постоять на «Сковородке». После работы мы прыгали в метро и мчали в школу. Мы учились в двух шагах от станции «Рацлавицкая», и нам даже часто удавалось не опоздать.

Когда я впервые услышал, что Бартек устроился на эту работу, то решил, что он сбрендил. Вставать в четыре утра? Тащиться по темным вонючим подземельям? Впаривать листовки спящим зомби? Наверное, он головой ударился.

Или безумно чего-то хочет.

О том, что финал Лиги чемпионов пройдет на «Национальном стадионе» в Варшаве, мы узнали еще несколько месяцев назад. А точнее, пятнадцать. Эта новость обрушилась на нас, как только я вернулся из Лондона. Мы с родителями провели там два года, мама работала в английском филиале фирмы. Это были мои первые недели в гимназии¹. Я сразу пошел в третий класс, ведь первые два года обучения прошли в Англии. О матче Яцек узнал по радио и прибежал в школу в сильном возбуждении. — Видишь? — он дернул меня за рукав. — У нас такое тоже бывает!

Бартек и Ушастый вернулись из своих гимназий тоже хорошо осведомленными, и с самого начала первого класса лица тема Матча столетия стала одним из основополагающих элементов нашей дружбы. Разговор происходил примерно так:

— Подумать только, буквально в шаге от нашей школы будет бегать Роналду, — вздыхал Ушастый.

— Ну... или Левандовский, — добавлял я патриотично.

— Или Садио Мане, — Яцек болел за «Ливерпуль».

— «Ливерпуль» в финале? — прыскали мы хором, а он надувшись бурчал:

— Что? И помечтать нельзя?

Но даже Яцек считал, что и в мечтах есть предел наглости. Отсюда шок, который он, как и я и Ушастый, пережил однажды в начале января.

¹ Гимназия — до 2019 года образовательное учреждение в Польше, примерно соответствующее уровню 6–8 классов средней школы в России. В гимназии учились три года, после окончания можно было поступить в лицей. Сейчас классы гимназии входят в восьмилетнюю программу базового школьного образования.

Мы сидели в столовой — вся наша четверка из первого «Д» — и не спеша ели томатный суп. Разговор на этот раз шел о культуре, а не о спорте. Точнее, мы обсуждали, возможно ли, чтобы Рей была потерянной сестрой Кайло Рена. Ушастый утверждал, что всё на это указывает, но Яцек был с ним не согласен. Внезапно Бартек встрепенулся и выпалил:

— А если взять и пойти на этот матч?

Наши ложки застыли в воздухе. Вопрос прозвучал неожиданно, но мы поняли, о чем речь.

«Этот» матч мог быть только один, и, даже проходи он в далекой-далекой галактике, мы бы поняли, о чем речь. Бартек смотрел на нас уверенно, будто бросал вызов всем невозможным вещам в мире, а слегка выдвинутая нижняя челюсть указывала на его решительность. Всего один скачок в гиперпространство, и вот мы уже вернулись обратно.

— Как это?! — выдавил я.

— Обыкновенно, — пожал плечами Бартек. — Поедем на метро до стадиона.

— А билеты?

— У вас проездного нет?

— Ой, хватит! — разозлился Ушастый. — Где ты возьмешь билеты на матч?

Бартек скорчил рожу, показывающую, сколько нужно усилий для объяснения баранам таких очевидных вещей. — Купим? — сказал он с саркастически вопросительной интонацией.

Сто шестьдесят евро — кажется, столько будет стоить самый дешевый билет. Ушастый проверил курс в смартфоне (4 злотых 33 гроша), открыл калькулятор и побледнел, увидев сумму.

— Шестьсот девяносто два злотых восемьдесят грошей! — простонал он.

Честно говоря, я испытал облегчение. Сумма казалась настолько космической, что я мог с чистой совестью не предлагать никаких решений.

— Прекрасно, — язвительно пробурчал я. — Восемьдесят грошей у меня уже есть.

Показывая, что тема закрыта, я вернулся к томатному супу, Яцек и Ушастый последовали моему примеру. Но тема не была закрыта. Бартек тщательно все продумал. Сказал, что тоже в деньгах не купается, но зато знает, как заработать. Тогда он и предложил раздавать флаеры. Он сам занимался этим уже несколько недель и клялся, что это мечта, а не работа.

— Тебе ничего не нужно делать, — расписывал он. — Стоишь, раздаешь. А денежки капаят.

Не буду врать, такая перспектива показалась мне даже заманчивой — особенно с маячащим на горизонте Национальным стадионом — только вот вставить на работу к пяти утра мне не очень хотелось.

— Ну не знаю, — проворчал я. — Потом весь день в школе буду спать.

— А так ты не спишь?

Это он намекал на тот дебильный мем со мной в главной роли, который сначала болтался по дружеским страницам на «Фейсбуке», а потом, кажется, даже сделал карьеру во всей сети. На фотографии я сидел в классе с закрытыми глазами и выглядел так, будто внезапный скачок силы притяжения потянул все мягкие ткани моего лица к центру земли. Картинку дополнила подпись: «Баю-бай, усни, малыш / Свой пример

во сне решишь». Я понятия не имею, когда Ушастый сделал эту фотку, но точно не на математике. Условия для сна на ней так себе. Единственный предмет, на котором можно было вздремнуть — хотя, конечно, я не спал, — это английский.

Дело не в том, что уроки были чересчур нудные, уровень преподавания крайне низкий или я какой-то сильно одаренный — просто за два года в английской школе каждый бы выучил язык. Сотни раз я объяснял, что на снимке пойман момент, когда я моргнул — ну, может еще зевнул в придачу, — но ведь не спал! Без толку. Интернет лучше знает. «Спящая красавица из 1 Д» — это еще не самое обидное прозвище.

— Очень смешно, — привычно огрызнулся я. — А сколько можно на этих листовках заработать?

Бартек утверждал, что чувак, на которого он работает, платит четыре гроша за штуку, за час можно получить до двух десятков! Я быстро подсчитал, что если два дня в неделю раздавать с семи до десяти (третий урок, правда, начинается без пяти десять, но всегда есть способ выкрутиться), то за неделю можно заработать сто двадцать злотых, умножаем на девятнадцать недель, которые остались до финала Лиги чемпионов... (я еще раз проверил, все ли в порядке с калькулятором) — две тысячи чи восемьдесят злотых!

— А что нужно рекламировать? — внезапно спросил Яцек, настолько не в тему, что даже мы, привыкшие к его странностям, зависли.

— Да какая разница, Святоша?! — взорвался Бартек, а мы с Ушастым стали усердно разглядывать все вокруг, чтобы скрыть улыбки.

Кликуха «Святоша» прилипла к Яцеку не случайно. Густые светлые волосы, спадающие на лицо вопреки всем попыткам зачесать их набок, голубые глаза с поволокой, пухлые губы, чуть изогнутые в мягкой улыбке — ему только нимба не хватало. Но канонизировать его можно было бы не только за внешний вид. В комплекте шли обязательность, пунктуальность, честность и серьезность, с которой он взвешивал моральные последствия любого шевеления пальцем. Казалось, что и его фамилия — Святек — тоже неспроста.

— Ну... не знаю... — Он покраснел. — Но ведь некоторые вещи глупо рекламировать, не?

— Например, какие? — спросил я.

— Ну... ну... — он отчаянно подбирал примеры и все больше краснел.

— Послушай, бро, — начал Бартек. — Мы тут дилерами собираемся стать или флаеры раздавать? Пожалуй, есть разница, а?

— Ну... есть, но...

— Реклама — двигатель торговли, — сказал я, к месту вспомнив фразу.

Видя, что наши аргументы отскакивают от Яцека, не оказывая должного воздействия, мы с надеждой посмотрели на Ушастого. В области убеждения неубеждаемых ему не было равных. Ушастый занимался этим практически профессионально. С тех пор, как я с ним познакомился (и насколько я знаю, даже раньше), он участвовал в самых разных кампаниях на «Фейсбуке». В последнее время он был увлечен акцией «Стоп марафон». Он даже рассчитал, что участники Варшавского марафона во время бега сжигают семнадцать миллионов шестьсот тысяч

килокалорий, которых, если тратить их не так бессмысленно, хватило бы на то, чтобы в течение года кормить пятьдесят детей в Африке. Этот аргумент окончательно убедил меня отказаться от бега. Сейчас нам было необходимо что-то не менее мощное, чтобы сломить сопротивление Святоши.

Ушастый — миниатюрный щекастый брюнет с вечно озабоченным лицом маленького профессора — поправил на носу огромные очки и ответственно приступил к делу. — А репетитора по математике ты как нашел, Святоша? — мягко спросил Ушастый, и Яцек неохотно подтвердил, что благодаря листовке.

— А репетитора по химии там, случайно, не было? — продолжал Ушастый.

— Ну, был.

— А почему ты не ходишь на химию?

— Потому что мне не надо. — Пожал плечами Яцек.

Глаза Ушастого триумфально заблестели.

— Видишь? — Он ткнул в Святошу указательным пальцем. — Ты сделал вы-бор! Математику хочу, химию не хочу. У человека всегда есть выбор. С помощью флаера ты просто доносишь до него ин-фор-ма-ци-ю, а он делает выбор. Ты принуждаешь его что-то делать?

— Нет, — проворчал Яцек.

— Вот именно. Тогда почему бы не раздавать людям какие-нибудь листовки? Ты хочешь решать за них?

— Ну нет, — Яцек съежился, и его голос стал не громче ветерка на лугу.

Зато Ушастый рос на глазах. Голос его крепчал.

— Ты хочешь отнять у них свободу?! — гремел он. — Право на информацию?! Достоинство?!

***

Я не был уверен, что чье-либо достоинство может пострадать из-за какого-то клочка бумаги, но, признаюсь, речь Ушастого произвела на меня впечатление. Самое главное — она попала в цель. Так что когда в январский вторник, еще по темноте, с термосами чая в рюкзаках мы впервые отправились на работу, Яцек был с нами.

В это время года Лига Чемпионов впадает в зимнюю спячку между групповым этапом и началом плей-офф, но плакаты и билборды на улицах Варшавы уже приглашали на финал, который состоится в мае. Под одним из таких билбордов, около магазина с товарами народного промысла, стояла белая «Октавия-комби», на которую Бартек указал, как только мы вышли из подземного перехода. На заднем стекле автомобиля была наклейка «DRABMEDIA — маркетинговые услуги. Петр Дрбовский», а внизу номер телефона и электронный адрес. Когда мы подошли, из машины вышел мужчина лет сорока — как оказалось, владелец и шеф фирмы. На нем был длинный черный плащ, а под ним черный костюм и розовая рубашка в полоску. Рассматривая нас, он потирал ладони, будто пытался их намылить. Заметив на его руках перчатки, я невольно подумал про отпечатки пальцев.

— Всего трое? — недовольно проговорил он.

— Трое, зато какие, шеф, — уверенно произнес Бартек, многозначительно подмигивая нам.

Мы скромно потупились.

— Они знают, что делать? — спросил шеф.

— Я рассказал. Знают.

— Знают, сколько денег?

— Знаете? — спросил Бартек, и мы кивнули.

— А знают, что будет за дубли и мусорки?

Мы вопросительно подняли глаза, но Бартек жестом успокоил нас и слегка поморщился.

— Речь о том, чтобы не давать по два флаера в одни руки, — объяснил он. — И, конечно, не выкидывать то, что не раздали.

— У меня есть люди, которые за этим следят, — предостерег шеф. — Если я поймаю кого-то на вранье...

Он сделал паузу и провел ребром черной ладони себе по горлу.

— Я пошутил, — заржал он, заметив наши округлившиеся глаза. — Будете юлить — чао, бабки, еще и с работы выкину, всё поняли?

Драбовский записал нас в свой планшет, из коробки в багажнике вытащил пачки листовок, перетянутые бумажной лентой, вручил каждому по пять и указал количество рядом с фамилиями. Тысяча листовок на три часа — фигня.

— А можно больше? — спросил я разочарованно.

— Сначала эти попробуй, — хмыкнул шеф и сел обратно в «Октавию».

Двадцать злотых в час — заявлял Бартек. По четыре гроша за штуку. Получалось около восьми листовок в минуту. Я воодушевленно принялся за работу. Моя первая листовка досталась пожилому мужчине в коричневом пальто. По его виду не скажешь, что ему нужна депиляция сахарной пастой, но, безусловно, я не мог утаивать от него такую возможность. Через десять минут моя первая пачка листовок похудела на двадцать

штук — на шестьдесят меньше, чем я ожидал. Я с беспокойством оглядел «Сковородку». Ближе всех был Яцек. Он стыдливо улыбался и протягивал прохожим флаеры.

— Я не уговариваю, — говорил он. — Просто информирую.

Не похоже было, что заспанные люди массово желали воспользоваться своим правом на информацию.

В десять я вернул шефу три непочатые пачки. Сложно сказать, было ли легкое движение его верхней губы тенью ироничной улыбки или же обычной мимикой. В сущности, неважно, потому что для первого дня работы с меня и так было достаточно этих глупых листовок. Четыреста штук за три часа! Вставать до рассвета, торчать на морозе, терпеть кислые мины эгоистов, которым лень даже руку протянуть, чтобы спасти ближнего, и все это за шестнадцать злотых? И так в два раза больше, чем у Яцека, — утешал себя я. Но как Бартеку и Ушастому удалось раздать по тысяче? Этого я совершенно не мог понять.

— Нужно иметь подход, бро, — объяснял мне Бартек, когда мы ехали на метро в школу. — Нужно улыбнуться, доверительно заглянуть в глаза, вот и все. Немного подсластить, понудеть или состроить щенячью морду и надавить на жалость. Немного умных слов не повредит: «ученые доказали», «эксперты убеждены», «мир сошел с ума из-за...», «эффект превзошел самые смелые...»

Я решил дать листовкам еще один шанс. Во второй половине дня я сел за комп, чтобы немного расширить свои знания из области шугаринга. В конце концов, информация поможет мне быть более убедительным, а значит, эффективным.

Депиляция с использованием сахарной пасты, как я узнал, более современный метод, нежели восковая. Для нее используют специальную пасту, полностью состоящую из натуральных ингредиентов (сахар, вода, лимонный сок, травы). Такая процедура менее болезненна, поскольку паста прилипает не к коже, а только к волоскам. Пасту можно наносить несколько раз на одно и то же место, что повышает ее эффективность. Средство наносят против роста волос, поэтому оно проникает максимально близко к волосяным фолликулам, а потом удаляют волоски по направлению их роста, что позволяет полностью от них избавиться.

— Какая гадость! — воскликнул я после всех этих открытий.

Однако быстро взял себя в руки и продолжил изучение темы. Я выписал на бумажку несколько текстов, которые можно было использовать в работе, и пошел в ванную репетировать перед зеркалом.

— Плотно облегает волоски, — сказал я бархатным голосом и сложил руки на груди, будто пытался спрятать маленькую птичку от жестокого мира.

— Паста не прилипает к коже, — я скривил рот и зашипел, изображая страдание, которое придется испытать, если остаться верным методу, при котором прилипает.

— Полностью состоит из натуральных ингредиентов, — грациозным жестом дирижера я подчеркнул легкость косметической симфонии.

— Средство наносится вплотную к корням волосков, — я хотел еще потренироваться откидывать рукой челку, но тут зазвонил домофон.

Я выглянул в окно. Перед калиткой стоял велосипед. Из-за столбика ограждения была видна только рука его владельца, но я и так знал, что это Яцек. Он жил на моей улице, через два дома, но даже эти несколько десятков метров он проезжал, а не проходил. Я смеялся над ним, мол, вытаскивать велик из гаража в два раза дольше, чем идти ко мне пешком, но он лишь пожимал плечами. Он просто любил своего коня.

— У тебя нет сахарной пудры, а то у нас кончилась? — спросил он прямо у забора без лишних приветствий и вступлений.

Я впустил их внутрь — велик и его самого — и пошел на кухню.

— Ты не мог в магазин съездить? — спросил я, возвращаясь с бумажным пакетом.

— Но мне нужно быстро, потому что паста получилась слишком жидкая.

Только теперь я заметил в руках Яцека металлическую баночку. Видимо, он ехал по нашим колдобинам, держа руль одной рукой. Он протянул мне банку, и я заглянул внутрь — там была мутная жижа.

— Что это? — скривился я.

— Сахарная паста.

— Зачем?

— Как зачем? — оскорбился он. — Для депиляции.

Я ошарашенно вглядывался в друга и пытался понять, не шутит ли он. Но ведь второе имя Яцека — Серьезность. Он явно недоумевал, что тут может быть непонятного.

— Я просто хочу попробовать, вот и все, — сказал он. — Я ведь не могу втирать людям, что оно работает, если не знаю, так ли это.

– Но там же написано «протестировано дерматологами»! – попытался я возразить.

– Это не значит, что работает, – заявил Яцек.

– Но косметологи советуют!

– Это не значит, что работает, – упирался он.

– Но это самый популярный способ депиляции!

– И все равно это не значит, что работает. Подсыплешь?

В отчаянии я бахнул ему в миску полпакета сахарной пудры. Он заглянул внутрь и сделал пальцем движение, будто собирается размешать содержимое. Потом задумался и спросил, не одолжу ли я ему ложечку. Мы пошли на кухню, там он долго и старательно вымешивал свою массу. Видимо, он был недоволен: как-то странно наморщил брови.

– Теперь снова слишком густая. Может, подлить воды, как думаешь?

Я пожал плечами и пробурчал, что в интернете писали что-то о лимонном соке. Услышав это, Яцек просветлел и триумфально ткнул в меня пальцем.

– Ага! – закричал он. – То есть ты тоже проверял в интернете! Видишь? Тебе тоже неловко втюхивать кому-то что-либо без проверки.

Я пытался выкрутиться, что это просто из любопытства, но он и слушать не желал.

– Хорошо, хорошо, – ответил он. – Так есть лимон?

Я вытащил из холодильника пол-лимона и выдавил в миску сок. Яцек еще немного помешал, набрал немного массы в ложку, наклонил ее.

– Ну что? – спросил я.

– Кажется, хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Если стекает, то слишком жидко, если падает – слишком густо, – объяснил он. – А тут и не стекает, и не падает, значит, в самый раз. У тебя травы есть какие-нибудь? – Точно, там было что-то про травы, – вспомнил я.

В ящике в подписанных баночках у мамы хранились орегано, базилик, эстрагон, розмарин, тимьян, укроп, тмин, майоран, любисток, кориандр и чабер. Мы бросили в пасту по щепотке каждой травы. Масса потемнела и, загустев, стала выглядеть настолько омерзительно, что, пожалуй, могла быть эффективной.

– Что будешь депилировать? – спросил я.

– Ну... не знаю, – пробурчал Яцек, и я внезапно заметил, что он смотрит на мою верхнюю губу.

Там потихоньку росли недо-усы, и от одной только мысли, что кто-то может на них покуситься, я сильно разнервничался.

– Даже не думай! – я прикрыл лицо рукой. – На Галоше потренируйся.

У Галоша было, что эпилировать. Йорки вообще могут похвастаться довольно густым волосяным покровом, а уж этот, из семьи Святеков, особенно выделялся. Яцек, однако, отказался от моей идеи. Он тяжело вздохнул и с кислой миной закатал левый рукав. На его предплечье, если приглядеться, можно было обнаружить редкий светлый пушок. Кончиком ложки он нанес немного сахарной пасты на руку и размазал пальцем. Сел в кресло, оперся локтем и стал ждать. Повисла странная, пугающая тишина. Мы вглядывались в зеленое пятно на его светлой коже, и в какой-то момент мне показалось, что я вижу первые бледные струйки дыма. Вероятно, мне все-таки показалось, поскольку у Яцека не дрогнул ни один мускул.

— Пора? — спросил он через некоторое время.

— А я откуда знаю? — огрызнулся я.

Он подождал еще две минуты, подошел к раковине и смыл пасту с руки. Мы осмотрели продепилированное место. Потемневшие от воды волоски нельзя было заметить.

— Может, их стало поменьше, а? — грустно спросил Яцек.

— Может, немного, — неуверенно сказал я.

Яцек уходил хмурый. Я убеждал его, что, видимо, мы добавили не те травы, а эксперты в области косметологии все-таки знают, что делают. Яцек не поддавался. Он всерьез думал отказаться от работы. Брел с велосипедом к калитке, уныло опустив голову. Даже банку забыл.

Вечером он позвонил мне. По телефону голос звучал радостно и оптимистично.

— Слушай, — воодушевленно сообщил он. — Я знаю, что буду делать. Я буду говорить, что это безболезненный метод. За это я ручаюсь. Проверил на собственной шкуре. Это же ОК, правда?

— Пожалуй, да, — пробурчал я, покрутив пальцем у виска, благо Яцек этого не видел.

На следующий день мы раздавали отель «Зубр» в Беловежской пуще. Тишина, покой и свежий воздух гарантированы.

Глава вторая

Вообще-то мой живот мне нравился. Ну, может, нравился — громко сказано, но я точно не питал к нему отвращения. Он был мягкий, слегка округлый, но не трясся на бегу, не мешал завязывать шнурки. Ни гордость, ни позор — живот как живот. Поэтому, хотя рыжая девочка со «Сковородки» исчезла в пасти перехода под перекрестком Иерусалимских аллей и Маршалковской, ее язвительный намек на мой якобы жирок засел в голове и раздражал, как камешек в ботинке. А еще я не мог понять, почему меня так задела дурацкая подколка совершенно постороннего человека. Да она просто меня разозлила! Что о себе возомнила эта дохлятина? Думает, она может вот так насмеяться над чужой фигурой? К тому же под курткой сложно было что-либо заметить.

От злости я решил немного потренироваться. «Я покажу Рыжей, что такое рельефный пресс», — думал я. Если, конечно, когда-либо ее увижу. Такая возможность не исключалась. Раз тогда рано утром она выходила из метро и шла по «Сковородке», вероятнее всего, это ее ежедневный маршрут. С тех пор я каждый день внимательно всматривался в прохожих поверх стопки листовок с английским за три недели и уничтожением насекомых. Однажды в толпе мелькнуло рыжее пятно под шапкой-вулканом, но ближе к Ушастому, чем ко мне, а покидать пост мне было нельзя. Потом я убеждал себя,

что это вообще могла быть не она, а даже если она, я бы все равно не знал, как начать беседу. Не говоря уж о том, что кубики на животе еще не были готовы.

— Коучинг, гайдинг и менторинг! — повторял я, призывая самого себя к порядку.

Однако вскоре я снова ловил себя на том, что вглядываюсь в лица прохожих.

Однажды, кажется, во второй половине февраля (в любом случае у нас был уже довольно большой опыт в раздавании листовок), Драбовский вытащил коробку из багажника «Октавии» и сказал:

— Ну, господа, сегодня мы поможем похудеть этой нации толстяков.

Я взял свою порцию, посмотрел на флаеры, и у меня кольнуло в животе. «Слимомикс!» — прочитал я. Как тогда! Я вспомнил бумажку, падающую, как осенний лист, и пламя волос, гаснущее в темноте перехода. Я подумал, что вполне может случиться, что эликсир стройности и рыжая девушка появятся в моей жизни в один день. Конечно, я не верю в приметы и знаки, но раздача листовок не слишком интересное занятие, можно иногда разбавить его каким-нибудь дурацким развлечением.

Я встал там же, где и всегда, сорвал с пачки резинку и погрузился в раздачу флаеров, параллельно ведя наблюдение. Как всегда, мимо меня проходили полчища заспанных лиц, может, уже немного менее бледных, чем пару недель назад, может, смотрящих на мир чуть более приветливо, но все еще безразличных к тому, что я намеревался им дать. Среди них были лица красивые, молодые, грязные, милые, помятые, умные, заросшие, пустые, накрашенные и бандитские. Были

и знакомые. Студент — худой очкарик с сумкой-почтальоном, перекинутой через плечо, и миллионом умных мыслей на лице — как по часам, в четверть восьмого. Потом Трактор — молодая мама с маленьким ребенком, он тянул ручки к моим листовкам, а она его решительно оттаскивала. Ближе к восьми часам Ультрас, готовый наваять первому встречному. Старичок с палкой и полиэтиленовым пакетом. Последний плелся так медленно, что я смог преградить ему дорогу и спросить:

— Не желаете ли эликсир стройности?

Как всегда, он повесил палку на руку, взял флаер, внимательно прочитал и отдал мне обратно.

— Нет, нет, это вам, — я мило улыбнулся.

— Мне? Спасибо, молодой человек.

Старичок отошел, хоровод знакомых лиц крутился дальше. На удивление, не было Будильника, румяной женщины-колобка, которая, проходя мимо меня, всегда кричала в трубку: «Ты уже встал? Ну слушай, уже пять минут девятого!» — зато неизменная Ароматная, благодаря которой с восьми десяти до восьми двенадцати над «Сковородкой» витал запах цветущего луга. Время Рыжей, скорее всего, уже прошло, но я автоматически продолжал рассматривать лица. Прошли двухметровый Баскетболист, Мисс Пирсинг, Двойник Бибера и Спринтер. Около девяти передо мной возник грустный мужчина в куртке гнилостно-зеленого оттенка. Его я видел впервые.

— Как тебя зовут, парень? — спросил он.

Ему было лет пятьдесят или больше. Волосы с благородной проседью, узкий заостренный нос, кончик которого, подобно стрелке компаса, стягивал к себе все,

что только можно было стянуть на лице. Брови, губы, щеки, лоб — ни одна из нескольких десятков крохотных мышц не выглядела расслабленной, будто их держала в постоянном напряжении грусть, усталость или непрекращающаяся зубная боль. Он так удивил меня этим вопросом, что я послушно ответил:

— Филип. А что?

— А ты вообще знаешь, в чем участвуешь, Филип? — мягко спросил он.

— Ни в чем я не участвую! — оскорбился я. — Я просто раздаю листовки.

— А ты знаешь, что на этих листовках? — Его голос будто доносился из-под земли, и, хотя в нем не звучала угроза, я почувствовал дискомфорт.

— Какой-то «Слимомикс», — нервно сказал я. — Кажется, для похудения.

По лицу мужчины пробежала едва заметная хмурая тень, что казалось невозможным при таком напряжении мышц.

— А ты знаешь, Филип, как это работает? — спросил он, и я уже не был уверен, что в его голосе нет угрозы.

— Я не знаю, но это не мое дело, — голос прозвучал тоньше, чем я планировал. — Я только раздаю листовки.

Я поискал взглядом друзей. Бартек, Яцек и Ушастый были на посту и терпеливо протягивали листовки. Никто из них не смотрел в мою сторону, но я все равно почувствовал себя увереннее.

— Прошу прощения, но у меня работа, — сказал я чуть более твердо.

Грустный мужчина не отреагировал. Он сделал шаг в мою сторону и прошипел:

— А ты знаешь, что стало с моей дочерью?

Где-то за моей спиной была бетонная стена с логотипом Лиги чемпионов, но, инстинктивно отступая, я все никак в нее не упирался.

— Не знаю, — ответил я осторожно. — В любом случае, я к этому не имею никакого отношения. Я только раздаю листовки.

— Ей было столько же лет, сколько тебе, Филип.

— Я только раздаю листовки, — повторил я.

— Она была красивая, умная, веселая...

— Я только...

Внезапно в глазах мужчины блеснула искра безумия.

— Дай сюда эту гадость! — рявкнул он и бросился на листовки.

Я рефлекторно поднял руку, и нападавший пролетел под ней, как бык на корриде. Я развернулся на пятках и снова оказался лицом к нему. Он бешено буравил меня взглядом из-под кустистых бровей, шумно дышал носом и разве что не высекал подошвой искры на мостовой.

— Эй, простите! В чем дело? Что вы делаете? — испуганно бормотал я.

Он сделал еще один прыжок. Я молниеносно переложил листовки из левой руки в правую, он снова пролетел мимо, при этом зацепился за что-то ногой и распластался на земле. Его ярость вкупе с жалким бессилием казалась одновременно пугающей и смешной. Я нагнулся, чтобы помочь ему встать, и тогда он, еще лежа, резко потянулся к листовкам. Я попытался отнять руку, но он успел схватить меня за запястье. Мы некоторое время провозились — он пытался встать,

я пытался освободить руку. Вокруг начали собираться люди.

— Что вы делаете? Оставьте мальчика! — испуганно закричала какая-то женщина.

Другие тоже кричали, но никто не решался вмешаться. Тем временем мне удалось вырвать руку и спрятать пачку листовок под полую расстегнутой куртки. Я стоял лицом к стене с граффити, защищаясь от противника спиной и отставленной пятой точкой. А тот скакал из стороны в сторону, пытаясь зайти спереди.

— Отдай! — орал он. — Убийцы!

Из-за невозможности достичь желаемого он совершенно потерял контроль над собой и как ребенок в истерике принялся дубасить меня ладонями по спине. В конце концов со стороны Центрального вокзала прибежали двое полицейских, схватили его под мышки и оттащили на безопасное расстояние.

— Это какой-то псих! — объясняли люди. — Он бросился на мальчика и начал его бить! За решетку его! Сумасшедший!

Будто бы в подтверждение этих слов мужчина стал что-то орать про убийц, заговор и жадных воров, но, кажется, это окончательно убедило полицейских в оценке его психического состояния, и они вежливо, но решительно потянули его в сторону служебного авто.

— Он ничего тебе не сделал? — допытывался Бартек (скорее для поддержания разговора, потому что было очевидно, что я цел).

Ушастый и Яцек крутили головами и со смесью страха и восхищения бормотали:

— Е-мое! Вот это псих!

— Чего он от тебя хотел? — услышал я голос Драбовского.

Бартек позвонил ему, но Драбовский успел лишь к самому концу, и не понимал, с чего все началось.

— Он просто набросился на него! Пытался отнять листовки! Орал на всю «Сковородку»! — перебивали друг друга Бартек, Яцек и Ушастый.

— Эй, эй, спокойнее, не все хором, — присмирил их шеф. — Филип?

— Все так, — подтвердил я. — Он хотел, чтобы я отдал ему флаеры. Постоянно твердил о своей дочери. Якобы с ней что-то произошло из-за этого «Слимомикса».

— Вот это псих! — прыснул Ушастый.

— Больной какой-то, — добавил Бартек, потом прозвучало еще несколько слов из богатого арсенала нашего языка, подходящих для описания нетипичной ситуации.

Кажется, только Яцек пытался принять во внимание другие аспекты печального события.

— А если с его дочерью действительно что-то случилось? — взволнованно спросил он. — И этот «Слимомикс» правда какой-то не такой?

Мы стали закатывать глаза на эти святошины страхи, но шеф отнесся к ним с вниманием и уважением. Он сказал, что мы, люди рекламы, имеем право на этические сомнения, но не можем разбираться во всем и иногда должны доверять авторитетам. Хотя, конечно, есть люди, которые всеми силами хотят это доверие подорвать. Они целенаправленно мутят воду, распускают слухи и портят имидж. На вопрос Ушастого, зачем им это, он ответил:

— Все просто. Чтобы уничтожить конкурентов. Они говорят: «„Слимомикс” плохой, но, к счастью, у нас есть „Витослим”».

Кажется, по нашим лицам он понял, что мы не слышали этого названия.

— «Витослим», — предвосхитил он вопрос, — еще одно средство для похудения, другого производителя.

Наступила тишина, пока мы переваривали слова шефа, в конце концов Яцек взволнованно спросил:

— То есть вы считаете, что человек, набросившийся на Филипа, работает на «Витослим»?

Драбовский неопределенно развел руками. Конечно, он не был уверен, но не удивился бы, если бы те ребята на такое пошли. Прежде чем уйти, он пообещал, что за этот день заплатит мне по двойной ставке.

Глава третья

Я воткнул иголку циркуля в станцию метро «Центр». Развел ножки на половину расстояния между ней и следующей станцией, то есть «Политехникой» (если бы Рыжей было ближе туда, она не выходила бы на «Центре»). Прочертил на карте дугу, отрезанную линией Иерусалимских аллей. Кроме того, я отметил небольшой сектор на северной стороне Аллей, состоящий из мест, до которых было ближе от «Центра», чем от каких-либо станций второй линии метро. Получилась форма несимметричной двояковыпуклой линзы. Красными точками я отметил все лица, расположенные внутри линзы. Это были лица имени Гоффман, Замойского и Езераньского.

«Не так уж и много», — подумал я, и по моей спине пробежали приятные мурашки. Я встал из-за стола, сделал несколько кругов по комнате, чтобы немного успокоиться после прилива энергии.

Три лица — с этим нетрудно справиться. Если караулить у каждого по очереди, то максимум за три дня я узнаю, что мне нужно. При некотором везении уже в первый день — если сразу угадаю нужный лицей. Я не знаю почему, но готов был поспорить, что Рыжая учится в лучшем. То ли блеск в ее глазах, то ли тот наглый жест, то ли идеальные рыжие волосы, которые казались самым подходящим оттенком